
НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

УДК 930.2:314.148:303.425.5(=511.132)(470.13)"1958"

*Л.П. Лашук, Л.Н. Жеребцов**

Материалы к этнической истории сысольских коми. (Из отчета Сысольской этнографической экспедиции Коми филиала АН СССР 1958 года)**

Общие сведения.

Этнографический отряд в составе начальника – ст. научного сотрудника Лашука Л.П. и мл. научного сотрудника Жеребцова Л.Н. в 1958 г. с 12 июня по 12 августа производил исследования в бассейне р. Сысолы. Экспедиционный маршрут сложился следующим образом: из Сыктывкара отряд вылетел самолетом в Койгородок, а оттуда направился в Кажим, с которого собственно и началась полевая работа; далее отряд, спускаясь вниз по Сыsole, производил исследования в Койгородке, Ужге и Палаузе Койгородского района, в Пыелдине, Визинге, Куратове, Сталине, Вотче, Межадоре и Чухломе Сысольского района, в Ибу, Пажге, Лозыме, Шошке и Нювчине Сыктывдинского района. <...>

Данная экспедиция является продолжением этнографических работ в Коми АССР, начатых с 1951 г. Целью ее предполагается изучение этнографической специфики населения бассейна р. Сысолы. <...> Работа пойдет по следующим основным направлениям: <...>. 2. Сбор материалов, относящихся к этнической истории. Сюда включаются народные предания о происхождении сысольских коми, отдельных селений, фамилий, о коми-русских этно-культурных связях и т. д. <...>

Материалы архивные.

В период подготовки к экспедиции, а в особенности при обработке полевого материала, нам постоянно приходилось обращаться к архивным материалам по самым различным вопросам. В первую очередь были использованы документы феодальной эпохи (XV–XVIII вв.), главным образом писцовые и переписные книги 1585–86, 1608, 1646 и 1678 гг., а также материалы переписей 1707, 1710, 1720 и 1784–86 гг. На основании их удалось проследить движение народонаселения и некоторые особенности территориально-«земледельческого» (волостного) группирования коренных жителей Севера. <...>

Изучая быт сысольских крестьян и горнозаводских рабочих в XIX – нач. XX в., мы столкнулись с необходимостью опираться в своих заключениях не только на устную информацию здешних старожилов, но и на документальные источники – волостную и земскую отчетность и статистику пореформенного периода. Хотя в фондах ЦГА Коми АССР [*совр. Национальный архив Республики Коми*] эта отчетность представлена очень неполно и примитивно, все же она существенно дополняет и уточняет материалы этнографических записей.

* **Лашук Лев Павлович** (1925–1990) – доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета. В 1950–1960 гг. работал в Коми филиале АН СССР. **Жеребцов Любомир Николаевич** (1925–1991) – кандидат исторических наук, заведующий сектором этнографии Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР.

** В Научном архиве Коми НЦ УрО РАН хранится несколько обстоятельных отчетов об этнографических экспедициях 1958–1971 гг., в которых участвовали Л.Н. Жеребцов и Л.П. Лашук. Эти отчеты содержат, в частности, различную информацию о миграциях, этническом составе и численности населения различных районов Коми края в разные исторические периоды, значительная часть которой не была опубликована названными исследователями и которую редколлегия журнала «Историческая демография» считает важным представить читателям журнала в рубрике «Научное наследие». В этом номере мы публикуем фрагмент научного отчета об экспедиции 1958 г., подготовленного Л.П. Лашуком и Л.Н. Жеребцовым в 1959 г. и хранящегося в Научном архиве Коми научного центра УрО РАН (Ф. 1. Оп. 2. Д. 37. 214 мпс.). Отчет был обсужден и принят производственным заседанием отдела истории, этнографии и археологии 11 мая 1959 г. К отчету прилагался альбом иллюстраций. Публикуемый фрагмент текста находится на листах 2, 4, 15–27, 40–61, 76–84 и подготовлен к публикации сотрудниками ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН д.и.н. И.Л. Жеребцовым и Л.Я. Каневой. В квадратных скобках даны необходимые пояснения и примечания публикаторов. Нумерация сносок при публикации изменена с постраничной на сквозную.

Прежде всего нас интересовали данные о движении народонаселения, крестьянских миграциях и отходничестве, составлявших одну из характерных черт пореформенного развития Коми края в целом и Сысолы в особенности. Недостаток удобных для обработки земель, частые голодовки, разорение и обезземеливание крестьян создавали в сысольских сельских «обществах» «избыточное» население. В 1865 г. правительство издало специальное положение, разрешавшее переселения коми крестьян в Сибирь на «вольные земли» [1]. Этим воспользовались многие разоренные хозяйства. Например, в 1867 г. изъявили выйти из Вотчинского общества и переселиться в Тобольскую губернию 59 семейств в составе 156 мужчин и 149 женщин. Из них сразу же уехали 18 семейств (36 мужчин и 38 женщин), за пионерами потянулись и другие, но кое-кто, раздумав, остался на прежнем месте жительства [2]. В следующем году состоялись переселения 2 семей в Чарымскую вол. и 1 семьи в Барнаульскую вол. Бийского уезда Томской губ. [3].

Подобные переселения имели место почти во всех сысольских волостях. Вначале они имели форму «аграрных» переселений, т. е. крестьяне, бросая насиженные места, уходили в Сибирь, чтобы возобновить свое земледельческое хозяйство. Но позднее, начиная с 80-х годов, в связи с развитием ремесленного отходничества, очень часто практиковались переселения в города и промышленно-торговые центры Приуралья и Сибири.

Например, по Межадорской волости в 1887 г. отдельные крестьяне находились в отлучке: в Петербурге, Архангельске, Челябинске, Тюмени, в Калуге и Оханске Пермской губ., в Соловецком монастыре [4]. При этом большинство отходников просило волостное правление о возобновлении годовых паспортов, значит, эти лица подолгу проживали в указанных городах. Имеются указания, что такой-то крестьянин «уж давно проживает (там-то) по паспорту» [5]. В 1893 г. Межадорское волостное правление выдает «до 187 видов отлучившимся в разные губернии и уезды, а также проживающим с давних пор в Сибири» [6].

В начале XX в. отходничество с долгой (по несколько лет кряду) отлучкой развивается еще более. Межадорские крестьяне проживали и занимались ремеслом и мелкими промыслами в Пермской губ. – в Чердыни, Долматове, Верхотурье, Лысьвенском заводе, Ирбитском и Камышловском уезде, в самой Перми; а также в Петербурге, Н-Новгороде, Челябинске, Екатеринбургe, Барнауле, Чите, в Вятке и Костромской губ., в Томской, Оренбургской, Тобольской губ. Большинство отходников, утрачивая связи с местом приписки – родной волостью, просило возобновления пятилетних или даже бессрочных паспортов [7].

Примечательно прошение Ив. Вас. Худяева, приписанного к Вильгортской волости. Отец его выбыл из Вильгорты в 1862 г. и 42 года постоянно проживал в Сибири, хотя подати и платил по старому местожительству, имел детей, в том числе и просителя, который уже 18 лет (с 1886 г.), как поселился в селе Коробейникове Томской губ., имел собственный дом и хозяйство, а также занимался столярным делом. Худяев просил об окончательном перечислении его по фактическому месту жительства [8]. Похожей была судьба и многих других крестьян, ушедших с Сысолы в давние годы и занимавшихся промыслами по многим уездам и губерниям.

Интересны суммарные характеристики хозяйства сысольских крестьян, извлеченные нами из фонда податного инспектора Устьсысольского уезда. Приведем некоторые из них относительно состояния на 1886 г.

Вотчинская волость. «Экономическое положение крестьян зависит главным образом от хлебопашества, затем увеличению денежных средств служат скотоводство, охота, рыболовство, сплав леса и отхожие промыслы. Между последними существенное значение имеет портняжное ремесло». «Земли не хватает, постоянно споры и захват угодий как между отдельными лицами, так и между селениями. Особенно страдают жители Куниба и Шорьйса. Мало расчисток из-за отсутствия удобных мест. Один из 3–4 неурожайный». Отхожими промыслами (портняжество, катание обуви, битье шерсти и т. д.) занимаются 300 чел. С сентября до апреля, выручка до 6 000 руб. Охотой заняты 100–150 чел., добыто рябчика до 600 пар и белки до 1500 штук на общую сумму 800–1000 руб. Рыболовство промыслового характера не имеет, ловят рыбу почти все. Заготовка и сплав сортового леса прежде давали значительные заработки, но теперь заготовки почти нет... [9].

Сретенская волость. Налоги уплачивались исключительно от заработков и промыслов – плотничного, кузнечного, пилки, извоза и продажи дров, от производства различных крестьянских изделий, например, телег, саней, дровней, сох, борон, граблей и т. д., от охотничьих и отхожих промыслов. Выдано паспортов 355, преимущественно мужчинам на отлучку в Пермскую, Вятскую губ., а также в свой уезд. Крестьяне арендуют от казны лесные полянки и занимаются половничеством у мещан г. Усть-Сысольска за половину урожая хлеба и сена (до 100 дес.) [11].

Палаузская волость. Сборы платят частью от отхожих промыслов (портняжество и т. д.), частью от заготовки сортового леса, а остальные от продажи разных хозяйственных продуктов, наловленных зверей и птиц. Всего заняты промыслами 210 чел., из них 40 заготавливали сортовой лес, 45 охотничали, остальные были в отхожем промысле. Паспортов выдано 124 крестьянам в Пермскую и другие губ., из них часть живет там с семьями постоянно. Переделов земли не производилось, а только уравнивания между отдельными хозяевами. В урожайные годы хлеба вообще достаточно, но у бедных никогда не хватает и покупают у богатых своих и со стороны. В корм скоту употребляют яровую, режу ржаную солому [11].

Ужгинская волость. Сборы платят частью от промыслов, но в большинстве от работы на заводах по добыче и перевозке руды, перевозке чугуна, угля и дров. Заняты портняжеством 17 чел., охотой – 42 чел. Выдано 13 паспортов для отлучки портных в Пермский и Верхотурский уезды. Не имеют в пользовании земли 14 хозяйств, так как занимаются заводскими работами. Своего хлеба всем крестьянам не хватает, покупают на месте рожь 70 коп. и ячмень 60 коп. за пуд. Земельное уравнивание бывает раз в 10–15 лет, аренда и переделы не практикуются. Скота немного, на всю волость 236 лошадей, коров 370, овец 300 голов [12].

Данные по отдельным волостям и сельским обществам существенно дополняют эти краткие характеристики. Так, согласно отчетам Межадорского волостного правления с 1888 по 1909 г., местные крестьяне занимались комплексными неспециализированным хозяйством: земледелием, скотоводством, охотой и рыболовством, заготовкой и сплавом леса, отхожими промыслами. В летнее время межадорцы никуда не отлучались, будучи всецело занятыми сельским хозяйством. Сеяли главным образом рожь и ячмень, немного овса. Пшеницы и гороха. По площади высева двух первых культур был примерно равным. «Пшеница сеется в самом ничтожном количестве – фунтами, и не более как 10 лицами в обществе». Средним считался урожай: ржи – сам-5, ячменя – сам-8, овса – сам-4. Сажали также до 150 четвертей (1200 пудов) картофеля, а из огородных культур – капусту, морковь, лук, редьку, репу, галанку (брюкву). «Из картофеля приготавливаются различные кушанья и похлебку, частью паренье. Капуста в кочках с осени варится в котле, квасится в кадках с солью».

Собственного хлеба хватало не всем крестьянам: «бедняки частью покупают», однако «достаточные крестьяне продают хлеб». В Межадоре и соседних волостях производилась скупка хлеба устьесысольским купцом А.Ф. Кузьбожевым ежегодно до 2 тыс. пудов. О земледельческих орудиях сказано, что это обычные деревянные соха и борона, железные ральники к сохам изготовлялись местными кузнецами. Переделов земли не бывало, но практиковались разверстка земельных угодий с целью уравнивания оных между домохозяевами.

Скота межадорцы держали немного. В 1893 г. на 431 двор приходилось 588 лошадей, 1700 коров и 1275 овец. Большинство крестьян имело по одной рабочей лошади. «С двумя лошадьми и более из числа 431 домохозяев можно найти не более 1/5 части (86 хоз.), а с тремя и более только 5 домохозяев». Лошади низкопородные: «лошади местной породы и никаких улучшений пород не имеется». Из неземледельческих «главный промысел-заготовка и сплав сортового леса с верховьев Сысолы». В 1888 г. этим занимались 70 чел., добыли 6 тыс. бревен на сумму 3 тыс. руб. 150 чел. охотничали, добывали 1500 белок и 1500 рябчиков на сумму 540 руб. Извозом пробавлялись 80 чел., были в отлучке в других губерниях 40 чел. (портные, пимокаты), но на местных горных заводах никто не работал [13].

По данным Вильгортского волостного правления, на рубеже XIX и XX вв. средним крестьянином считался владелец одной лошади, двух-трех коров, высевающий озимого хлеба от 2 до 5 пудов, а ярового раза в два больше [14]. О крестьянах Кибринской волости сообщается в 1893 г., что многие из них разрабатывают подсеки и новины, причем примерное соотношение посева хлебов на пашне и на новых расчистках в пудах на двор такого: на пашне озимого хлеба от 1 пуда до 3–4–5, а ярового хлеба (ячменя) от 1 пуда до 3–5, тогда как на расчистке – свыше 1 пуда и до 10 пудов [15].

В полном цифровом выражении можно показать состояние сельского хозяйства Воронцовской (Пыелдинской) волости в 1913 г.

Селения	Число дворов	Количество пахотной земли (дес.)	Количество скота			
			лошадей	коров и телят	овец	свиней
с. Пыелдино	119	134	141	528	389	14
д. Монастырская	25	29	28	126	121	3
Петуховская	11	11	15	47	45	1
Ревеневская	78	94	87	374	311	19
Боровская	27	38	33	135	91	8
Каргорт	40	45	44	211	156	7
Тепловская	11	13	12	71	50	5
Гаринская	21	24	24	97	71	5
Новинская	49	60	55	238	231	10
Шаньгинская	31	31	36	122	94	4
Заозерская	9	10	10	34	16	2
Сартопольская	57	62	66	273	221	9
Заозерская 2-ая	7	10	8	34	31	3
поч. Шуйский	3	1	3	5	3	–
Всего	488	586	562	2295	1830	90

Крестьяне Пыелдинской волости сеяли:

[Культура]	[Площадь]	[Сколько сеяли]	Урожай
Рожь	200 дес.	8 п. на дес.	сам 8
Ячмень	212 дес.	14 п. на дес.	сам 7
Овес	20 дес.	14 п. на дес.	сам 7
Картофель	10 дес.	300 п. на дес.	сам 5
Конопля	5 дес.	8 п. на дес.	сам 4
Лен	6 дес.	10 п. на дес.	сам 4

«Урожай хлеба и других полевых растений в волости можно сказать хорошим. Для продовольствия местного населения в течение года хлеба будет достаточно, но конечно при обычной ссуде из местного хлебозапасного магазина, да и у некоторых крестьян оставался запас хлеба от урожаев прежних лет» [16].

В конце XIX в. Сысола среди других районов Коми края занимала первое место по развитию мелких неземледельческих промыслов и отходничества. Данные на сей счет содержатся в материалах Управления податного инспектора Устьсысольского уезда. В суммарном выражении эти данные за 1893 г. выглядят следующим образом.

Обзор ремесел и промыслов по волостям.

Вильгортская волость. Крестьяне имеют заработки от плотничества, кузнечного и столярного дела, ручных крестьянских изделий (телеги, сани, дровни, сохи, бороны, грабли и пр.), а также от извоза, охотничьих и отхожих промыслов. «В точности определить числящихся в обществе и занимающихся ремеслами и промыслами душ и какими именно, почти невозможно, так как известное лицо имеет здесь несколько видов промыслов, например, он же и плотник, и столяр и т. д. приблизительно надо полагать: плотников до 50, которые занимаются постоянно, кузнецов до 10, пильщиков – 2, печников – 6, извозчиков 60, отходников на пермские заводы до 30 чел.». Паспортов выдано 422, крестьяне отлучились в осеннее время преимущественно в Пермскую и Вятскую губ. и в свой уезд, из них часть находится в отлучке на постоянном жительстве [17].

Шешкинская волость. Плотников – 8 чел., столяров – 3, кузнецов – 4, катальщиков обуви – 5, портных – 2, стекольщиков – 2, охотников – 70, отходников на пермские заводы – 10, на соседний Нювчимский завод – 214 [18].

Пажгинская волость. Занимающихся ремеслом и находящихся в отпуске 15 чел. [19].

Нювчимское общество. Крестьяне Нювчимского общества никакими ремеслами не занимаются, кроме заводской литейной и поденной работы [20].

Ибская волость. В обществе практикуются промыслы и заработки: местные охотничьи – 200 чел., добыто белок 10 тыс., рябков 3 тыс. пар (6 тыс. штук); заготовка сортового леса – 78 чел., извоз – 140 чел., добыча руды – 55 чел. [21].

Межадорская волость. Занимались портняжеством, катанием обуви, заготовкой сортового леса – 350 чел., охотой – 220 чел. [22].

Вотчинская волость. Занимались портняжеством до 400 чел., охотой – 140, заготовкой леса 30. Паспортов крестьянам выдано 425. Большая часть на зиму в Пермскую и вятскую губ. по портняжеству и валенному ремеслу, откуда и возвращаются в феврале – марте. В летнее время отлучки не бывает [23].

Визинская волость. Охотой заняты 150 чел., отходников 520 чел. [24].

Палаузская волость. По отхожим заработкам по портняжеству и валяльному ремеслу до 140 чел., отходников – 30 чел., заняты заготовкой леса – 40 чел., извозом 18 чел. Паспортов выдано 100, большая часть крестьян отлучилась в сентябре на зиму в Пермскую и вятскую губ. по портняжному и валяльному ремеслам, возвращается в феврале–марте и часть отлучилась весной для сплава леса [25].

Воронцовская волость. На отхожих промыслах по портняжеству, шерстобитному и валяльному ремеслу до 520 чел., охотой – 10 чел. Паспортов выдано 500, большая часть отлучилась в Пермскую губ., а остальные в другие губ. [26].

Койгородская волость. Заняты охотой 200 чел., заготовкой леса – 50 чел., портняжеством – 30 чел., в Кажимском заводе добычей руды и возкой чугуна – 155 чел. [27].

Ужгинская волость. Портняжеством 30 чел., с сентября по апрель; охотой – до 100 чел., лесозаготовителей – 10 чел., заводской добычей руды – 100 чел. [28].

Киберская волость. Промыслы: охота, портняжество, шерстобитие и пимокатаное дело, отходников 350 чел. [29].

В начале XX в. число лиц, занимающихся различными мелкими промыслами, возросло, но это, как и прежде, были по преимуществу отходники, бродившие в поисках заработка в пределах своего уезда или, чаще, уходившие в соседние русские губернии. Наряду с обычным отходом в Вятско-Пермский край развивается и более дальний отход в Поволжье и Сибирь [30]. Ремесленников, работающих на месте, в своей деревне, было

сравнительно немного. Например, в Ибской волости мелкими промыслами, в том числе подсобными работами на Ньючимском заводе, были заняты несколько сот человек, но, «никаких кустарных ремесел в волости не развито» [31]. В Межадоре существовала выделка глиняной и деревянной посуды и лодок на продажу; чем в 1902 г. этим занимались всего 5 чел. [32]. Здесь же, в 80-х годах XIX в. упоминается кожевенный завод А.Ф. Никулина, фактически маленькая, примитивная мастерская. Хозяин «завода», он же и кустарь, использовал рабочие руки членов своей семьи, перерабатывая в год до 100 штук сырых кож на заказ [33]. Более было развито ремесло в приустьсыольских селениях. Так, в Вильгорте работали на заказ и на продажу скорняки и сапожники. Красильщики, гончары [34].

Немаловажное значение имеет определение экономического тяготения отдельных сыольских волостей, так как последнее определяло и направление культурно- хозяйственных связей. Уже в конце XVIII в. крупную роль играл подымающийся г. Устьсыольск. Крестьяне многих сыольских волостей (вплоть до Визинги и Пыелдина) свои продукты промысла «продают в городе Устьсыольске и приезжающим в их селения купцам» [35]. Аналогичное явление имело место и столетие спустя. Так, согласно волостному отчету 1893 г., ярмарочная «торговля в селе Межадор не имеет развития по причине близости города и ярмарок бывающим в оном» [36]. Кроме того, устьсыольским купцом Кузьбожевым «хлеб закупается на строящейся в с. Межадор барке от крестьян Киберской, Визинской, Вотчинской и Межадорской волостей» [37].

Верховья Сысолы, волости Кобринская, Кажимская, Койгородская, Ужгинская и Гривенская, издавна входили в зону безраздельного влияния Вятского края. В последней четверти XVIII в. на Койгородскую пристань «в зимнее время привозится сухим путем хлеб из Вятского наместничества разных уездов, где погружении на барки отправляется от оной к Архангельскому порту» [38]. Судя по волостной отчетности конца XIX в., жители Кобры, Койгородка и других верхнесыольских селений недостающий хлеб «покупают в Вятской губ., по 90 коп. за пуд» [39]. Поволжско-вятские товары распространились по всей Сыsole. Например, в Межадоре «товар получается преимущественно из Вятки, частично из Устьсыольска, Н-Новгорода, Москвы» [40].

Своеобразной особенностью Сыольского этнографического района является то, что здесь с давних пор, с середины XVIII в., в гуще чисто крестьянского коми населения возникли три небольших очага русского горнозаводского населения Кажимского, Ньючпасского и Ньючимского заводов. За истекшие два столетия сами заводы и их людской состав оказали значительное влияние на окрестных жителей коми, которые работали посезонно при заводах, селились на заводской территории имели тесные связи с русскими рабочими, воспринимали от них язык и бытовые явления, вступали с русскими в обоюдные браки. <...>

Полевые этнографические материалы.

В полевых условиях члены отряда поставили задачу не только выяснить этнографическую специфику населения Сысолы в том виде, как она сложилась к началу социалистической реконструкции (что является обычным приемом этнографов), но и наиболее полно отразить ее в современных условиях, не из коренной национальности, оказывающих разностороннее влияние на старожильческое население. Современная Сыsole – не только земледельческий, но и крупный лесопромышленный район с многочисленными лесными поселками и сложившимися рабочими кадрами различного этнического происхождения. Сугубое внимание уделялось, конечно, вопросам этнической истории Сысолы в том аспекте, как ее представляет само население.

Изучаемый район, как известно, принадлежит к числу мест наиболее древнего поселения коми в бассейне р. Вычегды. Поэтому какая-либо память о происхождении сыольских коми, времени поселения их здесь и времени основания большинства крупных селений совершенно стерлась в сознании старожилков. Предания о древности ограничиваются преимущественно рассказами о легендарной «чуди, ушедшей в землю». Любопытно, что, приписывая вотчинский затинный городок Карйыл той же «чуди», вотчинские старики указывают на то, что городок некогда сгорел. Согласно документальному свидетельству, так оно и было в действительности в 1599 г. Среди сыольских селений самым старым считаются Шешка, где имеется городище, и Пыелдино, где само название одного из «сиктов» – Каргорт – также указывает на возможное городище, следы которого давно исчезли. В этой же связи село Межадор (буквально – у межи, на меже) считается возникшим как раз на меже владений жителей шешкинского и пыелдинского городков. Но если речь о Межадоре зашла как о пограничном пункте, то вероятнее всего, что таковым он был по отношению к погостам Вотчинскому и Ибскому.

Существуют предания и о местах первоначального поселения на территориях современных сельсоветов. В Чухломском сельсовете рассказывают, что первые поселенцы обосновались на месте д. Старый Чухлом. Это были крестьяне Сельков и Сажин, первый родом из Шешки, другой, вероятно, из Межадора. Обе фамилии в пределах сельсовета и сейчас основные, численно преобладающие. Кстати, в писцовой книге 1608 г. сказано: «Починок Чухлом на речке на Вызенге стал ново после письма Ивана Огарева (т. е. после 1586 г.), двор Ерофейко Матвеев да сын ево Федко молодчие, двор Офонька Первой молодчей».

В Визинге самой старой частью села считается «скит» Кольёль, а в Пыелдине – небольшая деревня Заозерье. Что касается последней, то в 1608 г. она была всего лишь маленьким починком «за рекою за Сысолою», явно не древнее других пыелдинских деревень, но поскольку, по преданию, в Заозерье найдены «чудские ямы», то в глазах здешних жителей это самое древнее место поселения. Откуда произошло название Пыелдино никто толком не знает, но здесь есть старое, совершенно заболоченное озеро «Пыелты» (между современным руслом Сысолы и расположенными на боровой террасе пыелдинскими сиктами). Видимо, здесь-то, у озера и следует искать следы первоначального поселения, а вовсе не в Заозерье.

В языковом отношении коренного коми населения Сысолы выделяются говоры верхнесысольский (Койгородок, Ужга, Грива), среднесысольский (от Пыелдина до Иба включительно), нижнесысольский (от Пажги, Лозыма до Сыктывкара). Первые два говора – «эловые», но имеют заметные различия по целому ряду фонетических и грамматических элементов, переходным между ними является говор с. Палауз, склоняющийся однако более в сторону среднесысольского говора. Жители Койгородского и Сысольского районов эту разницу хорошо знают и при опросе обычно указывают, что у них не так говорят, как в соседнем районе. Образование средне- и верхнесысольского диалектов исторически объясняется тем, что в XV–XVII вв. население Сысолы подразделялось на две большие территориально-земляческие группировки – «Сысольскую землю» и «волость Ужгу». Нижнесысольский говор в современном виде образовался, видимо, много позднее и явно под воздействием вычегодского «вэ-элового» говора. Это явствует из того, что черты последнего говора резко проявляются в Присыктывкарье и заметно убывают вверх по Сыsole, сменяясь уже в Ибу «эловым» говором.

Диалектные различия существуют и между отдельными группами селений и даже между соседними деревнями. Заметно выделяется, например, говор жителей Ибского сельсовета, который невозможно спутать с говором соседнего Межадора. В Вотче, расположенной от Межадора всего в 6 км, также говорят по-особому. Чем это объясняется, сказать трудно, но обращает на себя внимание то обстоятельство, что в XVI–XVII вв. между Вотчей-центром среднесысольских селений и Ибом-центром нижнесысольских селений существовали определенные территориально-земляческие различия (см. приложенную ниже статью Л.П. Лашука «Сысольский этнографический район Коми АССР»).

Межадор, известный в конце XVI в. в качестве небольшого и явно нового (без церкви) погоста, во всех отношениях всегда был ближе к Вотче и Визинге, нежели к Ибу, да и основан-то он был, по-видимому, выходцами из Вотчи и Визинги. Отметим, что при переписях 1646, 1678 и 1707 гг. Межадор описан вместе с Вотчей, с которой у него к тому же, согласно преданиям, существовала очень давняя связь по совместному совершению своеобразного религиозного культа – «встречи» вотчинской и межадорской чудотворных икон на горке возле Вотчи 13 июля каждого года.

Межадорские Аксеновы, Старцевы, Пыстины, Тырбылевы имеют однофамильцев в Вотче, Кунибе и Пустоши, а межадорские Морозовы, Раевские (две основные здешние фамилии), Мамонтовы, Фроловы – преимущественно в Визинге. Сходство фамилий Межадора и расположенных ниже селений (Иба, Пажги) не столь выразительно. Можно указать лишь на проживающих там и здесь Конановых, Куликовых, Лапшиных, Томовых, причем кое-кто из них переселился в Межадор еще на памяти старожилков. В частности, типично ибскую по происхождению фамилию Томов ныне носят всего 5 семей межадорской деревни Видзас, которая была основана здешними крестьянами дер. Морозовской лишь в начале XX в. [41].

Следует подчеркнуть, что нами придавалось особое значение установлению фамильного состава и происхождению наиболее характерных фамилий всех обследованных на Сыsole населенных пунктов. Это важно как в смысле конкретизации вопроса о непосредственных связях (соседских, семейных) между отдельными селениями, группами селений и целыми районами, так и для определения главных направлений крестьянских миграций с Сысолы и на Сысолу. <...>

В том и в другом аспектах важным было сопоставить фамильный состав сысольского населения на современном этапе и в начале XVIII в., когда фамилии впервые стали заноситься в переписные листы полностью. Для этого мы привлекли данные похозяйственных книг сысольских сельсоветов на 1958 г. и материалы переписной книги 1720 г.

Фамилии Сысолы

Вильгорт и соседние деревни	
Современные	Начала XVIII в.
Бараксанов	
–	Богданов
Вавилин	Вавилин

Ватаманов	Ватаманов
Власов	–
Денисов	–
Елькин	Елькин
Жаков	Жаков
Жижев	–
Забоев	–
Игушев	–
Костин	Костин
Кузиванов	Кузиванов
Кочев	Кочев
Киселев	Киселев
Корычев	Корычев
Кузьпелев	Кузьпелев
Каликов	–
Козлин	–
Кузьчуктомов	–
–	Калимов
–	Карпов
–	Кирманов
Налимов	Налимов
Оплеснин	Оплеснин
Оверин	Оверин
Попов	Попов
Пылаев	Пылаев
Подюков	–
Рочев	Рочев
Савин	Савин
Сивков	Сивков
Сенькин	Сенькин
Сидоров	Сидоров
Тренив	Тренин
Холопов	Холопов
Худяев	Худяев
Чеусов	Чеусов
Шеболкин	Шеболкин
Шурганов	–

Иными словами, за 238 лет фамильный состав нижнесысольских селений Вильгортского куста почти не изменился, появилось лишь несколько новых фамилий – Власов, Жижев, Забоев, Игушев, Подюков, Шурганов.

Лозым, Пажга и Гарья	
Современные	Начала XVIII в.
Аввакумов	–
Башлыков	–
Вавилин	–
Вишерский	–
Габов	Габов
Гилев	Гилев
Емельянов	–
Ильчуков	Ильчуков
Конюхов	Конюхов
Князев	Князев
Куликов	Куликов

Кучаев	Кучаев
Комлин	–
Конанов	–
Кузьбожев	–
Кызьюров	–
–	Конашевых
–	Кузиванов
Лапшин	Лапшин
Максимов	Максимов
Мелехин	Мелехин
Мелешев	Мелешев
Марков	Марков
Мартынов	–
Надуткин	Надуткин
Ненев	Ненев
Оверин	Оверин
–	Обросов
Падерин	–
Панюков	–
Поляков	–
Симаков	Симаков
Степанов	Степанов
Сивергин	–
–	Силин
–	Сыскин
Тимин	–
Шеболкин	–
Чудов	–

И по этому кусту наблюдается сходная картина: основная масса здешних фамилий относится к числу старожильческих.

Иб	
Современные	Начала XVIII в.
Белоголов	Белоголов
Бусов	Бусов
Безносиков	–
–	Безносов
Гришин	–
Демин	Демин
Захаров	Захаров
Колегов	Колегов
Костарев	–
Лоскутов	Лоскутов
Лапшин	–
Ляшев	–
Мальцев	Мальцев
Муравьев	Муравьев
Максимов	–
Мендеров	–
Митяшин	–
Осипов	Осипов
Патов	Патов
Постников	–
Раков	–

Сямтомов	Сямтомов
Таскаев	Таскаев
Томов	Томов
Туров	Туров
Худоев	Худоев
Чабанов	Чабанов

Следует отметить, что в ибских селениях в 1720 г. проживали также крестьяне, фамилии которых ныне здесь неизвестны: Носков, Кузнецов, Подюков, Запольский, Семин, Коржавин, Завьялов, Поротов, Раев, Климов, Тропин, Букарин, Морозов, Шуматрин. На всем протяжении Сысолы от Вильгорта до Иба, т. е. на расстоянии всего 40 км, сходные фамилии встречались и встречаются редко, каждая группа селений имела преимущественно собственные фамилии, что свидетельствует о длительном господстве патриархального уклада и узких территориально-соседских связей, не выходящих далеко за пределы своего погоста, волости.

Рассмотрим теперь фамилии средней Сысолы, т. е. селений, исторически тяготевших к Вотче и Визинге.

Межадор, Куниб, Пустошь	
Современные	Начала XVIII в.
Аксенов	–
Братенков	–
Гобанов	–
Давыдов	Давыдов
Еримов	Еримов
Истомин	–
Конанов	–
Красильников	Красильников
Куликов	–
Кутькин	Кутькин
Лапшин	–
Мамонтов	–
Морозов	Морозов
Никулин	Никулин
Оплеснин	–
Остапов	Остапов
Пешкин	Пешкин
Пыстин	Пыстин
Раевский	Раевский
Сажин	Сажин
Ситкарев	Ситкарев
Старцев	Старцев
Сыскин	–
Тихонов	–
Томов	–
Тыдорский	Тыдорский
Тырбылев	Тырбылев
Ушаков	Ушаков
Фролов	–
Чабанов	–
Шахов	Шахов
Щебенев	–
Юркин	–

Переписная книга 1720 г. знает также межадорских крестьян – Конюхова, Налимова, Репицына, Полумосквина, Тоинова. Первые две фамилии происходят: Конюхов из Пажги, Налимов из Вильгорта. Любопытно, что переписная книга отмечает в Вильгорте запустевший двор Налимова, который «сшел ради хлебной скудности». Позднее появившиеся в Межадоре Лапшины, Томовы, Чабановы распространились из соседнего Иба.

Вотча	
Современные	Начала XVIII в.
Бабков	Бобков
Васькин	Васькин
Васильев	–
Голосов	Голосов
Другов	Другов
Денисов	–
Ермолин	Ермолин
Кузьбожев	Кузьбожев
Кушманов	Кушманов
Лучкин	–
Мальцев	Мальцев
Молчанов	Молчанов
Москательников	–
Пешкин	Пешкин
Приезжев	Приезжев
Пыстин	Пыстин
Прокушев	–
Седьуров	Седьуров
Сенькин	Сенькин
Уродов	–
Филатов	Филатов
Чуманов	Чуманов

Кроме того, в 1720 г. здесь известны Бызов, Полев, Варламов, Зубов, Фунтиков. Фамилии Вотчи перекликаются с некоторыми фамилиями Куниба, Пустоши, Межадора. Но ничего общего не имеют со старожильческими фамилиями Иба (кроме Мальцева) и других нижнесельских селений.

Визинга	
Современные	Начала XVIII в.
Бажуков	Бажуков
Базаров	–
Безносиков	Безносиков
Безносов	Безносов
Беляев	Беляев
Бессонов	Бессонов
Бугаев	Бугаев
Вешняков	–
Головин	–
Голосов	Голосов
Дикоев	Дикоев
Домашкин	Домашкин
Делков	–
Зебарев	–
Канов	Канов
Колегов	Колегов
Кузнецов	Кузнецов
Кинев	–
Кочев	–
Кривошеин	–
Кропанев	–
Майбуров	Майбуров
Морозов	Морозов

Мамонтов	–
Митюшев	–
Модянов	–
Першин	Першин
Плешев	Плешев
Пельмегов	–
Потапов	–
Носков	Носков
Раевский	Раевский
Рочев	Рочев
Семенчин	Семенчин
Старцев	–
Сюрвасев	–
Третьяков	Третьяков
Турышев	Турышев
Тарачев	–
Трошев	–
Фролов	Фролов
Чередов	Чередов
Чугаев	Чугаев
Цыпанов	Цыпанов

Как видно из перечня, современная Визинга отличается великим разнообразием фамилий, из которых многие не были отмечены здесь в 1720 г., но тогда же известные в Кибринском погосте – Зебарев, Кинев, Мамонтов, Машкалев, Пельмегов, Старцев (последняя также в Межадоре). Переписная книга 1720 г. называет также ныне исчезнувшие визингские фамилии – Ляшев, Филатов, Батыров, Касев, Пятков, Квашнин, Полевин, Ляутов, Петухов, Тонков, Мизов, Карманов. Ляшевы ныне проживают в Ибу, Касевы составляют значительную часть с. Нижняя Вочь Усть-Куломского района, Квашнины – явная калька верхневычегодских Шомесовых, некогда переселившихся со средней Сысолы.

Кибра (Куратово, Сталино)	
Современные	Начала XVIII в.
Горинов	Горинов
Гонев	–
Зебарев	Зебарев
Кинев	Кинев
Киселев	Киселев
Кичигин	Кичигин
Колегов	Колегов
Костромин	Костромин
Котов	Котов
Куликов	Куликов
Куланов	–
Лазарев	Лазарев
Лушков	–
Лютюев	Лютюев
Машкалев	Машкалев
Момотов	Мамонтов
Некрасов	Некрасов
Парначев	
Пельмегов	Пельмегов
Пунегов	Пунегов
Сидоров	–
Супрядкин	–

Тоинов	Тоинов
Тутринов	Тутринов
Шадрин	Шадрин
Шибанов	Шибанов
Югов	Югов

Иначе говоря, почти все фамилии Кибры известны с давних пор. Некоторые из них, в частности, Гонев, Шибан (ов), Кисель (ев) упоминаются даже в переписной книге 1585–86 гг. По фамилии Кибра издавна имела четко выраженные связи с Визингой, Пыелдином и Палаузом (последнее см. ниже).

Пыелдино	
Современные	Начала XVIII в.
Безносов	Безносов
Братенков	Братенков
Бутарин	–
Горчаков	Горчаков
Ершов	Ершов
Желев	–
Князев	Князев
Кондратьев	–
Кочев	Кочев
Кривошеин	Кривошеин
Кропанев	Кропанев
Кузиванов	Кузиванов
Куликов	Куликов
Липин	–
Лукшин	Лукшин
Майбуров	–
Морозов	–
Нечаев	Нечаев
Пальшин	Пальшин
Петухов	–
Пунегов	Пунегов
Раевский	Раев
Родев	–
Скрипов	Скрипов
Смолин	Смолин
Старцев	Старцев
Сурин	–
Тарачев	Тарачев
Третьяков	Третьяков
Тюфяков	Тюфяков
Уродов	Уродов
Ушаков	Ушаков
Чарин	Чарин
Шаньгин	Шаньгин
Шарапов	Шарапов
Шишкин	Шишкин
Шуйский	Шуйский
Шустиков	Шустиков

Многие фамилии Пыелдина сугубо местные, но немало и таких, которые характерны также для Визинги, Кибры, Куниба, Межадора. Пыелдинские Уродовы имеют однофамильцев в Вотче, а Кузивановы – даже в Пажге и Вильгорте.

Фамилии Гривы и Ужги	
Современные	Начала XVIII в.
Бессонов	Безносос
Вольгин	Волгин
Володин	Володин
Грязных	Грязных
Данилов	Данилов
Истомин	Истомин
Карманов	Карманов
Кокшаров	–
Кондратьев	Кондратьев
Кузнецов	Кузнецов
Майбуров	Майбуров
Матвеев	Матвеев
Нечаев	Нечаев
Тебеньков	Тебеньков
Турьшев	Турьшев
Чесноков	Чесноков
Чугаев	Чугаев
Шарапов	Шарапов

Таким образом, за исключением Кокшарова (фамилия явно пришлая, русского происхождения) остальные современные фамилии Гривы и Ужги бытовали уже в начале XVIII в., когда здесь проживали также крестьяне Антонов, Болотников, Колугин, Шилин, Белоглазов, Лебедев, Ушаков и даже Вежев и Чеусов (последние две фамилии – приустьсысольские).

Важно отметить и то, что хотя в XV–XVII вв. Ужгинская волость была обособлена от Сысольской волости (средняя и нижняя Сысола) и население ее имело особый говор, в XVIII в. начинается сближение между обеими территориально-земляческими группировками путем взаимообмена населения. Ужгинские Кузнецовы, Майбуровы, Турьшевы и Чугевы явно происходят от переселенцев из Визинги, где эти фамилии издавна являются коренными и широко распространенными. Значительна также связь с Пыелдиным (сравни сходные фамилии Безносос, Нечаев, Кондратьев, Ушаков).

Около начала XVII в. между Ужгой и Пыелдиным возникло новое поселение Палауз, население которого XVII–XIX вв. представляло собой по говору и фамилиям переходную группу от среднесысольских к верхне-сысольским коми.

Фамилии Палауза	
Современные	Начала XVIII в.
Богданов	Богданов
Бугарин	
Елохин	Елохин
Желев	
Завьялов	
Истомин	Истомин
Карманов	Карманов
Кокшаров	
Колипов	Колипов
Парфенов	Парфенов
Подоров	Подоров
Турьшев	Турьшев
Ушаков	–
Черных	Черных
Шишкин	Шишкин
Ярков	Ярков
–	Кузнецов

–	Михиевых
–	Савиных
–	Тремусов

В 1720 г. Завьяловых в Палаузе не было, но такая фамилия существовала тогда в Ибу, а затем исчезла. Палаузские Елохины тогда же имели однофамильцев в Кибре, что касается Подоровых, то с XVII в. и поныне основная масса их проживает на Выми.

Завершая обзор сысольских фамилий, считаем необходимым оговориться, что из современных фамилий выше перечислены только коренные; фактически же их больше в каждой группе селений, так как за годы советской власти, особенно в послевоенный период, произошло и происходит быстрое передвижение фамилий вместе с их носителями – рабочими и служащими. В качестве примера перечислим все фамилии центральной части с. Куратова – Погост, подразделив их на старинные, коренные и недавно занесенные:

Старые фамилии	Новые фамилии
Горинов	Ануфриев
Колегов	Беляев
Костромин	Елфимов
Куратов	Корольков
Момотов	Митюнин
Некрасов	Митюшев
Пельмегов	Никифоров
Пунегов	Сажин
Шибанов	Старцев
	Семенчин
	Туркин
	Холопов
	Чередов

Носителями новых фамилий, как правило, являются учителя, медицинские работники, служащие, приехавшие в Куратово преимущественно из Визинги и других сысольских селений. Сходная картина наблюдается и в других местах.

Неотъемлемой частью современной Сысолы являются многочисленные рабочие (лесные, лесосплавные, механизаторские) поселки, бурно развивающиеся в последние годы. Ныне такие поселки входят в состав всех без исключения сысольских сельсоветов. Влияние этих поселков на этнический состав, культуру и быт окружающего населения огромно. Здешние жители очень метко характеризуют состав постоянных рабочих как «интернационал». Действительно, рабочие имеют самую различную национальную принадлежность, велико число этнически смешанных семей и браков.

Это легко продемонстрировать на таких примерах. В новом поселке Седтыдор Ужгинского сельсовета проживает 119 семей. Из них чисто коми – 43 сем., русских – 32 сем., немецких – 7 сем., украинских – 5 сем., белорусских, татарских, чувашских, мордовских – по одной (т. е. всего 5 сем.). В общем же семей, все члены которых одной национальности, – 91. Остальные 28 семей смешанные, в том числе: коми-русские – 13, коми-немецких – 2, семей, где жена – коми, а муж – узбек, грузин, латыш, чуваш, поляк – по одной (всего 5 семей), всего здесь проживает не менее 20 семей, в которых жена или муж – коми.

В самой Ужге, как и в большинстве старых селений, преобладает коренная национальность коми, но здесь же бок о бок, на Базе ЛПХ, проживает много русских. В ужгинских деревнях появились уже смешанные коми-русские семьи. Пока их всего 13, но число подобных селений в ближайшие годы несомненно возрастает. Любопытно определение национальной принадлежности членов этих семей: в 4 случаях при русской жене муж и дети – коми; в 4 случаях при русском муже жена и дети – коми; в 2 случаях при коми жене муж и дети – русские; в 2 случаях при коми муже жена и дети – русские; в 1 случае двое детей и муж – русские, а двое других детей и жена – коми. Важно отметить, что во многих случаях инициатива в определении национальной принадлежности детей принадлежит женщине, она относит их к своей нации, обучает родному языку.

Анализ этнического состава в поселке Подзь Палаузского сельсовета показывает, что на сто зарегистрированных семей приходится таких, где все члены одной национальности; коми – 42 сем., русских – 20, немецких – 12, украинских – 2; остальные 24 семьи – смешанные, из них коми-русских – 12, а также еще 6 семей, в которых жена – коми, а муж – мариец, казах, поляк, немец. В поселке Ёль-база Чухломского сельсовета на-

считывается 95 семейств кадровых рабочих. По этнической принадлежности они подразделяются следующим образом: коми – 52 сем., русских – 15 сем., украинцев – 5 сем., смешанных (коми-русских и пр.) – 21 сем.

Таким образом, в обследованных рабочих поселках складывается постоянное население с преобладанием коренной национальности, но при значительном (местами также преобладающем) участии людей приезжих – русских, украинцев и т. д. Разговорными языками здесь обычно выступают два – коми и русский. Лесные рабочие коми – люди преимущественно молодые или средних лет, хорошо знающие русский язык, обычно им пользующиеся, а при разговоре даже с другом легко переходящие с родного языка на русский и обратно. В их коми речи обильно представлены не только русские слова, но и целые обороты, синтаксические формы. Дети от смешанных браков знают два языка, но чаще отдают предпочтение русскому.

Знание русского языка среди людей различных возрастов вообще широко распространено по Сыsole, но не везде в равной степени. Оно более значительно в тех селениях, где издавна были развиты отходничество и работа при железодельных заводах. Например, пожилое население Ужги, Койгорта, даже женщины, лучше владеет русским языком, нежели люди средних лет из Чухлома, Кибры, Иба.

В районе местных заводов в прошлом наблюдалось и обратное языковое воздействие коми на потомственных русских рабочих. Вот, например, что показал по этому поводу житель Ужги Вольгин, сам работавший на Нючпасском и Кажимском заводах: «заводские мастеровые были русскими, но многие из них понимали и даже говорили по-коми, ведь из года в год работали вместе с зырянами. Иному, что ни скажи по-нашему – поймет, или спросишь его по-русски, и он по-коми ответит. Только говорить на зырянском языке заводским было трудно: отвечали медленно, подбирая слова.

Местное население единодушно утверждает, что наиболее интенсивно русский язык стал распространяться по Сыsole в связи с развитием лесозаготовительной промышленности, т. е. примерно с 1930-х годов. К этому следует добавить и мощное влияние, идущее из русских городов, а также воздействие школы, печати. Кино, радио, всех форм культурно-просветительной работы, проводимой сплошь и рядом на русском языке.

<...> Этнографические наблюдения не оставляют сомнения, что до революции Сыsole являлась районом типичного северного земледелия со следующими отличительными чертами: во-первых, более благоприятными природными условиями, а поэтому и большим развитием земледелия, нежели на Вычегде, Выми, Удоре и Печоре; и во-вторых, меньшей долей в хозяйстве охоты и рыболовства, но наиболее значительной, по местным условиям, ролью ремесла и отхожих промыслов.

Большинство сыsoleских селений, состоящих обычно из многих частей (сиктов), расположено на второй надпойменной террасе или на самых возвышенных участках, господствующих над рекой. Поля простираются вглубь материка на несколько км, занимают все мало-мальские пригодные для обработки склоны холмов и пологие откосы берега. Противоположные, низменные и заливные, берега Сыsole используются под сенокос и пастбища для скота. Для большинства районов Коми характерна тесная привязанность селений к рекам, на Сыsole это соблюдается далеко не всегда. Деревни здесь приурочены к местам, наиболее пригодным для земледелия, сплошь и рядом лежащим в стороне от реки на 1–2 и даже 5–6 км.

Наблюдается и такая закономерность: самые старые части селений располагались или располагаются в непосредственной близости от реки (д. Вадыб в Койгорте, д. Старый Чухлом в Чухломе и т. д.), более поздние «скиты» – всегда выше, на коренных уступах надпойменной террасы и даже на водоразделах. Замечается также стремление расположить жилые строения у тракта, обычно проходящего по возвышенной, удаленной от реки местности. Такой порядок существовал уже во второй половине XVIII в. Так, Межадор в 1784–86 гг. «селениями лежит... при большей столбовой дороге, лежащей из города Устьсыsoleвска в г. Лальск» [42].

Наиболее выразительным примером чисто земледельческого поселения является Кибра, которая состоит из 25 деревень по правой стороне р. Бубы (ныне с. Куратово) и других 17 деревень по левой стороне Бубы (ныне с. Сталино). Большинство деревень – небольшие выселки, возникшие в процессе непрерывного расширения полей, вначале ютившихся по склонам, обращенным к реке, затем поднявшихся на самую верхнюю террасу и распространившихся вглубь водораздела. В Ужге подобного рода выселки удалились от реки на 4–8 км., а деревня Шоломка – даже на 18 км.

<...> Отходничество оказывало на местный быт огромное влияние. Так как отходники портняжили преимущественно в русских городах и селах, то все они владели русским языком и стремились занести домой «из России» различные предметы обихода, бытовые новшества, музыкальные инструменты, песни, побывальщины, сказки, пляски и т. д. Например, в Пыелдине считалось обычным, что отходник отправлялся «в Россию» в домотканой одежде, но обратно он старался принести покупную материю фабричной выработки или готовую одежду, сшитую на городской лад. Точно также, присмотревшись к тому, как сооружают жилища русские крестьяне в Вятско-Пермском крае и в Сибири, сыsoleские отходники старательно перенимали эти формы и совершенствовали свое жилище по виденному образцу. Характерно, что в Пыелдине – селе с наиболее развитым в прошлом отходничеством – существует великое разнообразие в типах жилища, не свойственных

значительной части Сысольского района. И, наоборот, в Ибу, где отходничество «в России» было не развито, длительное время сохранялись жилища старого «зырянского» типа.

К числу отхожих промыслов относились дровозаготовительные работы на уральских заводах (Богословском, Надеждинском, Вишерском и др.). Возникновение этого промысла относится еще к XVIII в., а в последующем столетии им занимались многие сысольские крестьяне, но главным образом лишь те, кто не знал много ремесел. Большинство коми отходников на уральские заводы составляли не сысоличи, а жители средне- и верхневычегодских волостей, для которых дровозаготовка была главным отхожим промыслом.

Кажимский, Нючпасский и Нювчимский железоделательные заводы, как отмечалось выше, широко пользовались услугами местного населения. Для койгородских, ужгинских, ибских и пажгинских крестьян работы по заготовке и доставке на заводы топлива, руды, глины, возке к пристани готовой продукции составляли традиционные занятия. Не случайно именно в этих селениях другие промыслы, например, портняжество, были развиты слабо, хотя и являлись более выгодными в смысле заработка. При заводах сысоличи работали целыми артелями, обычно подбиравшими из односельчан, со своими инструментами и лошадьми.

Так как по Сыsole проходили важные пути из Вятской земли, Приуралья и Поволжья, транспортировались по воде и по тракту многочисленные и тяжеловесные грузы (железо, хлеб), то естественно, что здешние крестьяне занимались извозом и ямской гоньбой. Для многих это был лишь побочный вид заработка, возможный при наличии тягловой силы и свободного времени, но некоторые хозяйства держали большее число лошадей, нежели требовалось для собственных нужд, и как бы специализировались на извозе. Ежегодно в Койгородке строились большие барки для провоза в Устьсысольск и Архангельск вятского хлеба и местного металла.

Наконец, следует отметить значительное участие сысоличей в лесозаготовке и лесосплаве, которые начали развиваться с 70–80-х годов прошлого столетия. Особого влияния на перестройку быта населения эти промыслы не сказывали, но содействовали сокращению охотничьего промысла, так как лесозаготовки считались разнообразием промысловой деятельности, выходявшее за рамки местной жизни, что способствовало несколько более высокому уровню экономики, социальных отношений, материальной культуры, быта и идеологии населения, нежели, положим, на верхней Вычегде, Печоре, на Выми или Удоре.

<...> С развитием колхозного производства сысольское население стало более оседлым, отхожие промыслы для него давно уже не характерны. Как отхожий промысел в начале 30-х годов отмерло и портняжество. Наиболее искусные портные объединились в промартели, переселились частично в Сыктывкар или в другие области страны. Однако и сейчас в Визинге, Кибре, Пыелдине, Вотче многие колхозники, преимущественно пожилые мужчины и женщины, в свободное время по заказу производят пошив одежды на дому. Немало специалистов по выделыванию кожи, овчин, валянию и пошиву теплой и холодной обуви. Точно также в каждом селении есть кузнецы, слесари, плотники и столяры, мастера по изготовлению телег, саней, лодок (в верховьях Сысоли не только обычных дощаников, но и осиновок старинного типа), глиняной, деревянной и берестяной посуды, различных предметов обихода и утвари. Пожилые мужчины до сих пор мастера на все руки и стараются во всех случаях не прибегать к помощи иного специалиста.

Но, подчеркиваем, все эти формы кустарного и домашнего производства связаны с работой на месте при тесной связи с колхозным производством. Избыточного населения, как прежде, не наблюдается; наоборот, многие колхозы, механизированные базы, лесопункты постоянно нуждаются в рабочих руках. Развитие сельского хозяйства и промышленности ликвидировало былую диспропорцию между потребностями крестьянства и обеспечением их собственным хозяйством, между спросом и предложением рабочей силы на месте. Отлив населения в города происходит в форме ухода молодежи на учебу в ВУЗы, техникумы, специальные училища или в форме перехода на постоянное жительство в качестве рабочих и служащих. Промышленное население из коренной национальности создается и на местах в поселках лесозаготовителей, сплавщиков и механизаторов, которые, однако, сохраняют тесную связь с расположенными поблизости родными селами.

<...> За время Сысольской этнографической экспедиции были обследованы 15 сел (Койгородок, Ужга, Грива, Палауз, Пыелдино, Визинга, Межадор, Вотча, Чухлом, Куратово, Сталино, Иб, Пажга, Лозым и Шошка) и 4 рабочих поселка (Кажим, Нювчим, Мехбаза, Тыбью).

Общей характерной чертой для всех является значительная величина поселений. Села всегда состоят из нескольких деревень. Однако по степени слияния этих деревень в единое целое села заметно различаются. Такие, как Койгородок, Пажга, Лозым, Межадор, Визинга, Сталино представляют собой относительно единое поселение, в котором составляющие его части или уже объединились, или находятся в непосредственном соседстве друг с другом. Больших разрывов между ними нет. Другие типа Палауза, Иба, Шошки, Чухлома, Пыелдина, Куратова еще не слились и составляющие их деревни отделяются некоторым иногда значительным (до 2–3 км) расстоянием друг от друга (впрочем сельсовет объединяет деревни, расположенные на расстоянии до 20 км).

Во всех случаях самостоятельные названия для отдельных деревень продолжают сохраняться. Так, например, сельсовет Ужга состоит из деревень Погост, Ибпон, Вотцкая, Кобыльсикт, Вениб, Пустошь, Бездубово, Мырпонаиб, и Шоломка, а сельсовет Палауз из деревень Кыддязшор, Вознесенская, Ярковская, Большая, Погост, Подгорье, Верхний конец, Кортель. В с. Пыелдино имеются около 20 деревень (дд. Потёвсикт, Раевсикт, Вичкодор, Озынпом, Юманьсикт, Манастыр, Заборье, Анигрезд, Волокпом, Гортвыл, Комигрезд, Кузивансикт, Шаньгинская, Боргом, Чаринсикт, Тяпорсикт, Теплой, Король-грезд и т. д.).

В с. Межадор выделяются дд. Утога, Ягдор, Грезд, Сёрд, Аныб, Шорсай, Картасикт, Погост, 2 Морозовские, Понгортгуй, Ластапом, Мальёшор, Ыджыдшор, Видзас и т. д.

С. Чухлом состоит из дд. Денисовка, Керос, Семенсикт, Погост, Кируль, Мёдлапёл, Родь, Вильтуйдор, Ключ, Уличпом, Дал, Старый Чухлом, Важпушуп, Понельмыльк, Почершор, Лёккость, Жуод, Жуодбок, Ягдор.

В с. Вотча входят дд. Подгорье, Чумансикт, Ягвыл, Погост, Килянчой, Ляпин, Велпом, Ягдор, Панеель, Вадыб.

Деревни с. Куратово: Лемпуа шор, Шучи, Понил, Шорпом, Гутгрезд, Сердвыв, Бубшор, Уличпом, Б.Ручь, Слобода, Мом, Сорма, Ивановская, Костин, Волим, Горей, Гобавцы, Гориновцы, Погост, Картасикт, Семановцы, Ждановцы, Клаловцы, Ягиб.

С. Сталино состоит из Курагчины, Чоййыва, М. Энталь, Савуковцев, Раевсикта, Уткавидза, Семушина, Кыкашора, Шорйыва, Сьёрда, Шор Ибпона, Прокопьевки, Расчойа, Мельниковцев, Дала, Высокогора.

Районный центр с. Визинга складывается из 24 населенных пунктов, причем многие имеют двойные названия – официальное и народное: Верхний конец – Катыдпом, М. Носково – Проволцы, Б.Носково – Кыруль, Черанево – Семенчин, Коршуново – Ластавыл, Дикоево – Дикёсикт, Тебеньково – Митюшсикт, Вырдысево – Цыпаново, М. Погост – Озын, Звенигород – Помачейпом, Б. Погост – Вичкодор, Колеговская – Пачагрезд (Бөрбгрезд), Нижний конец – Ултас.

Даже ближайшие к Сыктывкару села также складываются из отдельных еще не объединившихся деревень. Если в с. Вильгорт вследствие крупного нового строительства сейчас деревни быстро сближаются и сливаются в единое целое, то в с. Шошка, лежащее в стороне от трактовой дороги, где нет даже лесопункта и жилое строительство поэтому гораздо меньше, почти все деревни стоят отдельно (Шурганов, Вичкодор, Савингрезд, Педергрезд, Курьядор, Елегрезд, Ягкодж, Жувёд, Ягсбрег, Граддор).

Для сысольских селений наиболее типично расположение вдоль берега реки. Более двух третей осматриваемых сел располагались непосредственно на береговой террасе (Койгородок, Ужга, Вотча, Визинга, Чухлом, Иб, Куратово и т. д.) и лишь незначительная часть возникла в стороне от реки (Палауз, Пыелдино, Межадор, Пажга) вдоль тракта. Вследствие незакончившегося процесса слияния сиктов разбросанность характерна для большей половины всех сел (Ужга, Грива, Палауз, Пыелдино, Чухлом, Иб, Шошка, Куратово). Остальные селения располагаются более компактно. Это главным образом районные центры и некоторые крупные села (Койгородок, Визинга, Межадор, Пажга, Лозым). Для многих сысольских селений (Палауз, Грива, Чухлом, Межадор, Иб) характерно расположение отдельных сиктов по береговым увалам и нередко на вершинах их. Таким образом можно считать, что типичнейшим для всех сысольских селений был гнездовой тип селения.

Планировка сысольских селений в основном двух видов: уличная и беспорядочная. Прибрежно-рядовая здесь мало характерна. Наиболее типичной является уличная. Правда, улицы весьма неправильные и извилистые. Расположение домов на них часто нарушается. Двухстороннее расположение фасадами на улицу встречается обычно лишь в центральных частях села. На окраинах дома стоят беспорядочно, так же как и задние ряды в центре. К поселениям, имеющим в основной части уличную планировку относятся Койгородок, Ужга, Палауз, Пыелдино, Межадор, Визинга, Пажга, Шошка и Лозым. Впрочем, некоторые из них могут одновременно считаться типичными и для беспорядочного расположения, как, например, Ужга, Иб, Шошка, так как уличные участки в них весьма не велики. Обычно эта центральная часть села или той деревни, которая является центром этого села. Рядовое расположение весьма заметно с сс. Иб, Куратово и Сталино.

В сысольских селениях нет единого типа планировки. Во всех в какой-то мере наличествуют оба упомянутые типа – и беспорядочный, и уличный. Объясняется это, видимо, тем, что старый тип планировки был беспорядочным. Люди селились ближе к собственным полям и по возможности к своим родственникам. Отсюда также наличие массы мелких сиктов. В новое время начиная со II пол. XIX в. развивается стремление селиться вдоль дороги. Оно не только поддерживалось, но и предписывалось начальством, которое стремилось ввести в сельских поселениях правильное улично-квартальное расположение домов. Квартальная планировка однако не привилась. Уличная же сложилась во многих центральных частях сел и деревень, правда часто улицы не параллельные, а идут концами от единого центра. Улицы обычно одна, хотя в селе всегда несколько порядков домов. В районных центрах в Койгородке и Визинге улиц больше: в Койгородке – две, пересекающиеся в центре, а в Визинге – даже три (местами четыре), сходящиеся к мосту через р. Б. Визинга.

Происхождение названий сысольских поселений различно. Значительная часть происходит от местности или реки, на которой она расположена (Грива, Визинга, Иб, Чухлом). Некоторые из них объясняются из коми языка (Межадор, Иб, Гагшор, Пыелдино). Межадор – селение возникшее на меже между погостами Иб и Вотча. Иб – селение, основанное на возвышенностях (Иб – возвышенность, холм и позднее поле). Во многих сохранились древние до коми названия с окончанием слов на -ма, -га, -ра (Визинга, Ужга, Пажга, Чухлом, Лозым, Кибра). В отдельных случаях наблюдается русское влияние (Койгородок).

Гораздо более интересен анализ названий мелких сиктов. Здесь в абсолютном большинстве мы встречаем коми слова (см. выше перечисленные основных частей крупных сел). Типичными являются Ягдор, Керос, Шорсай, Погост, Граддор, Педергрезд, Кируль, Вичкодор, Кузивансикт. Присходят эти названия от имени или фамилии первого поселенца или самой распространенной в селении фамилии (Раевсикт – Раевские, Денисовка, Шурганов, Елегрезд, Савингрезд и т. д.), или от местности расположения селения (Волокпом – конец волока, Шорсай – заручейная, Мёдлопёл – заречная, Вьльтуйдор – возле новой дороги, Граддор – пригородная и т. д.), от находящихся возле нее церкви или монастыря (Вичкодор, Монастыр, Погост) и т. д. Наиболее распространенные названия происходят от имен и фамилий и от места расположения.

Происхождение названия деревни от первых поселенцев подтверждается также и тем, что вплоть до последнего времени для сысольских деревень было характерно наличие двух-трех господствующих (наиболее распространенных) фамилий. Так в д. Кузивансикт (Пыелдино) наиболее распространена фамилия Кузивановых, в д. Шурганов (Шошка) – фамилия Шургановых, в д. Левепиян (Пажга) – Ильчуковых, в д. Чумансикт (Вотча) – Чумановых и т. д. Особенно характерна в этом отношении история с. Чухлом, где согласно преданиям первыми поселенцами были два охотника Сажин и Сельков. И по сей день в деревнях этого села эти две фамилии являются господствующими. Так, например, в 11 деревнях – подавляющее большинство Сажины (в д. Денисовка из 11 дворов – 9 Сажиных, в д. Керос из 33 – 29 Сажиных и т. д.), а в остальных – Сельковы. Другие фамилии во всех этих деревнях встречаются единицами и их носители являются, как видно, более поздними пришельцами в это село (д. Погост с. Чухлом – всего дворов 41; из них Сажиных – 25, Лапиных – 6, Зиновьевых – 3 и еще 7 фамилий, которые упоминаются в единственном числе).

Таким образом анализ современного фамильного состава помогает установить фамилии древнейших обитателей конкретного селения. Хотя в настоящее время это нередко чрезвычайно затруднительно, особенно в таких селах, как Пыелдино, население которых вследствие широкого развития у них отхожего промысла не сидело на месте и нередко переселялось в новые места прямо семьями. В упомянутом селе Пыелдино сейчас во многих деревнях нет господствующих фамилий и весьма характерно, что наличествующие в них жители всегда указаны в небольшом количестве (в д. Вичкодор с. Пыелдино из 17 дворов Кочевых – 2, Старцевых – 2, Уродовых – 2, Кушмановых – 4, Скриповых – 2, Пальшиных – 4, Михеевых – 1).

<...> Новые рабочие поселки имеют правильную квартально-уличную планировку. Более ранние из них отличаются наличием большого количества зданий барачного типа. В последние годы подобных уже не строят. Типичным стало возведение небольших двух- и чаще четырехквартирных домиков. В основном все постройки бревенчатые и лишь в отдельных случаях попадают сборно-щитовые дома. Последних становится все больше. Поскольку все эти дома строят по единому стандарту, то поселок получает своеобразный вид и особенно красиво он выглядит в первые годы, когда домики стоят новые посреди расчищенного леса, обычно на берегу реки.

Хозяйственные постройки строятся отдельно от дома, хотя и близко от него. Обычно в середине между двумя рядами жилищ, выходящих на противоположные улицы, стоят хлевы, сарайчики и дровяники. Больших крестьянских дворов нет. Возможно потому, что рабочими содержится небольшое количество скота, главным образом свиньи и птицы (куры, редко утки и гуси). Для постройки рабочих поселков выбираются более сухие места, чаще с песчаной почвой. А поэтому приусадебных огородов при домах обычно нет. Участки выделены несколько в стороне в более удобных для пахоты землях. Отсюда зачастую полное отсутствие изгородей и заборов вокруг домов. Для рабочих поселков характерно наличие электроосвещения и радио. Каждый поселок имеет свою станцию. Богаче и разнообразнее налажена культурная жизнь рабочих. Специальные здания выстроены для клубов и библиотек с читальнями. Это просторные двухэтажные дома установленного стандарта с вместительным зрительным залом, отдельными комнатами для кружковых занятий и т. д. <...>

Источники и литература.

1. ЦГА Коми АССР [Национальный архив Республики Коми]. Ф. 46. Оп. 1. Д. 62. Л. 2.
2. Там же. Д. 21. Л. 2–94.
3. Там же. Д. 62. Л. 1–5.
4. Там же. Ф. 61. Д. 136.
5. Там же. Д. 256. Л. 26.

7. Там же. Д. 468. Л. 8–127.
8. Там же. Ф. 44. Оп. 1. Д. 118. Л. 49.
9. Там же. Ф. 155. Оп. 1. Д. 8. Л. 50–51.
10. Там же. Л. 18–22.
11. Там же. Л. 65–68.
12. Там же. Л. 91–94.
13. Там же. Ф. 61. Оп. 1. Д. 141, 161, 256, 416.
14. Там же. Ф. 44. Оп. 1. Д. 73.
15. Там же. Ф. 155. Оп. 1. Д. 63.
16. Там же. Ф. 74. Д. 39.
17. Там же. Ф. 155. Оп. 1. Д. 55. Л. 102–104.
18. Там же. Л. 107.
19. Там же. Ф. 155. Д. 55. Л. 112.
20. Там же. Л. 116.
21. Там же. Л. 121.
22. Там же. Л. 125.
23. Там же. Л. 131–132.
24. Там же. Л. 135.
25. Там же. Л. 145–146.
26. Там же. Л. 149–150.
27. Там же. Л. 154.
28. Там же. Л. 158.
29. Там же. Л. 175.
30. Там же. Ф. 74. Оп. 1. Д. 22, 39.
31. Там же. Ф. 51. Оп. 1. Д. 424.
32. Там же. Ф. 61. Оп. 1. Д. 416. Л. 55.
33. Там же. Д. 37. Л. 15, 24.
34. Там же. Ф. 44. Оп. 1. Д. 73.
35. Там же. Ф. 407. Оп. 4. Д. 1275. Л. 36, 43.
36. Там же. Ф. 61. Д. 4256. Л. 26.
37. Там же. Д. 202. Л. 12.
38. Там же. Ф. 407. Оп. 4. Д. 1275. Л. 55.
39. Там же. Ф. 155. Оп. 1. Д. 8. Л. 82, 86.
40. Там же. Ф. 61. Оп. 1. Д. 202. Л. 12.
41. Там же. Ф. 61. Д. 448. Л. 5.
42. Там же. Ф. 407. Оп. 4. Д. 1275. Л. 30.